КІЕВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1-го МАРТА № 5. 1862 ГОДА.

ОТДѢЛЪ ВТОРЫЙ.

Содержаніе: а) Воспоминаніе о преосв. митрополитѣ Филаретѣ. б) О древнихъ украшеніяхъ Кіево-Софійскаго собора. в) Религіоз. бытъ умалишенныхъ. г) Посѣщеніе французской императрицей Евгеніей русской церкви въ Парижѣ. д) Извѣстія. е) Приглашеніе къ пожертвованіямъ.

ВОСПОМИНАНІЕ

О ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННОМЪ ФИЛАРЕТѢ, МИТРОПОЛИТѢ КІЕВСКОМЪ И ГАЛИЦКОМЪ.

(изъ письма въ редакцію „Странника (*)").

Когда-то, при разговорѣ съ вами о блаженной памяти высокопреосвященномъ Филаретѣ, митрополитѣ кіевскомъ, я сказалъ вамъ, что родина его — село Высокое, кромскаго уѣзда, въ 30-ти верстахъ отъ моей родины — села Долгорукова, и что я слышалъ кое-что о немъ отъ покойнаго родителя его, отца Георгія, и отъ сестры его, Анны Егоровны. Вы просили меня написать вамъ объ этомъ. Исполняю ваше желаніе.

Былъ у меня искренній другъ и товарищъ — Яковъ Космичъ Амфитеатровъ, знаменитый нѣкогда профессоръ Кіевской духовной академіи. Съ нимъ я вмѣстѣ поступилъ въ духовное

(*) „Странникъ" 1862 г. м. Ярварь.

училище,— вмѣстѣ учился и жилъ сперва въ Орловскомъ уѣздномъ училищѣ, потомъ въ Сѣвской семинаріи и наконецъ въ Кіевской академіи. Это былъ родной племянникъ высокопреосвященнаго Филарета, изъ одного съ нимъ села и дома. Родитель митрополита, отецъ Георгій, бывшій священникомъ въ селѣ Высокомъ, принялъ на свое мѣсто къ дочери Аннѣ Егоровнѣ зятя, отца Косму. Это были отецъ и мать Якова Космича.

Когда, въ 1819 году, перешли мы съ Яковомъ Космичемъ изъ Орловскаго училища въ г. Сѣвскъ—въ семинарію (*), то, при первомъ отпускѣ на святки, пригласилъ онъ меня съ братомъ ѣхать вмѣстѣ домой чрезъ село Высокое. Мы узнали тогда, что самая прямая дорога изъ Сѣвска въ село Долгоруково чрезъ ихъ село, и всегда потомъ ѣздили домой вмѣстѣ съ Яковомъ Космичемъ. Помню, какъ, по пріѣздѣ въ первый разъ въ Высокое, увидѣлъ я почтеннаго, худощаваго сѣденькаго старца, отца Георгія, родителя высокопреосвященнаго митрополита. Онъ очень ласково принялъ насъ и, поговоривши нѣсколько съ нами, взялъ меня за руку и повелъ въ свою горницу. Тамъ, на стѣнѣ, въ большой рамѣ, висѣлъ портретъ высокопреосвященнаго митрополита, тогда поступившаго только на епископскую каѳедру въ г. Калугу.—Указывая на портретъ, онъ началъ говорить намъ: «Это мой сынокъ Ѳеденька, онъ теперь архіереемъ въ Калугѣ и прислалъ мнѣ свой портретъ. Я и самъ собираюсь къ нему: хоть посмотрю на дорогаго сыночка; тогда веселѣй сойду и въ могилу. Давно ужь, очень давно, я не видался съ нимъ; теперь, я думаю, не узнать мнѣ его. И потерпѣлъ же онъ, мой голубчикъ, крѣпко потерпѣлъ отъ злобы человѣческой! А что былъ за дитя въ его юности! Что за утѣшеніе родителямъ въ первые годы своей жизни! Сядьте-ка: я раскажу вамъ про него».—Мы сѣли, и почтенный старецъ сталъ расказывать.

«У меня было пятеро сыновей. Всѣ они дѣти добрые, да.

ровитые и послушные. Но всѣхъ больше любилъ я Ѳеденьку. Такой онъ былъ смирный, такой незлобивый и скромный, что бывало, по пословицѣ, и водой не взмутитъ. А любимымъ его занятіемъ было читать и пѣть въ церкви на крилосѣ, подавать въ олтарѣ кадило, выносить подсвѣчники, звонить на колокольнѣ. Когда пріѣдутъ бывало всѣ они изъ семинаріи на вакацію, Ѳеденька не пропуститъ ни одной утрени и обѣдни. Тѣ таки братья его прилѣнивались, а онъ всегда на колокольнѣ, первый на клиросѣ и послѣдній изъ церкви. Такой былъ, Богъ съ нимъ, усердный къ церкви Божіей и богомольный!

«Бывало соберутъ на столъ обѣдать, сойдутся всѣ и сядутъ; Ѳеденьки—смотрю, нѣтъ за столомъ.—Гдѣ же, спрошу, Ѳедя?—Вѣрно, скажутъ, на пчельникѣ. А у меня и теперь еще очень хорошій пчельникъ. Другіе-то братья скучаютъ сидѣть въ саду и смотрѣть за пчелами; а онъ, мой другъ, за всѣхъ ихъ отвѣчаетъ, но не проводитъ тамъ время праздно: сядетъ на скамеечкѣ и читаетъ книгу: *Житія святыхъ*, *Четьминею*. Такъ онъ любилъ это чтеніе, что и про обѣдъ забудетъ. А то иногда я посижу за столомъ, подожду его, да и пойду посмотрѣть, что̀ онъ дѣлаетъ.

«Чтожь, вы думаете, гдѣ найду его? На дворѣ нѣтъ, въ саду также нѣтъ; пойду въ огородъ—и тамъ нѣтъ его. Взойду на повѣть—на соломенную крышу сарая—и смотрю оттуда внизъ. А онъ, мой драгоцѣнный, въ конопляхъ стоитъ на колѣняхъ и молится Богу. Я потихоньку сойду съ повѣти, какъ будто не видалъ его, перекрещусь и скажу про себя: ну, слава Богу! отъ Ѳеденьки будетъ добро. Пріятно родителямъ, когда ихъ дѣти прилежно учатся и хорошо ведутъ себя; но всего пріятнѣй и какъ-то покойнѣй и веселѣй у нихъ на сердцѣ, когда дѣти богомольны и съ малолѣтства Богу преданы. Вотъ я передъ вами прочиталъ въ пророчествахъ (развернулъ лежавшую на столѣ Библію): *благо мужу, егда возметъ яремъ*

Господень въ юности своей (Плачь Iерем. 3. 27). Какъ это вѣрно и истинно!»

Мы спросили потомъ отца Георгія: разскажите жь намъ, какъ онъ пошелъ въ монахи?

—«Да! Это поучительно! Послушайте. Онъ съ малолѣтства имѣлъ какое-то внутренне влеченіе къ жизни монашеской, и и однажды старшій братъ Василій (что въ селѣ Гнани священникомъ), по пріѣздѣ домой изъ Орловскаго училища на вакацію, разсказалъ мнѣ, какъ было Ѳеденька ушелъ изъ Орла въ пустынь, кажется Бѣлобережскую, или Площанскую. Когда опредѣлилъ я ихъ въ Орловское училище, нанялъ для нихъ квартиру на слободкѣ близъ монастыря,—и Ѳеденька почти каждый день ходилъ въ монастырь къ вечерни и любилъ читать на повечеріи канонъ Божіей Матери. Однажды какъ-то пришелъ онъ отъ вечерни, на квартиру, легъ на полати и говоритъ товарищамъ: «что мы, братцы, живемъ на свѣтѣ въ такой суетѣ житейской! То ли дѣло удалиться бѣгая и водвориться въ пустыню! Уйду я въ какую нибудь далекую, далекую пустыню: вотъ, говорятъ, есть у насъ какая-то Бѣлобережская, или Площанская пустынь; поселюся тамъ и посвящу себя на молитву Господу.»Говорилъ онъ объ этомъ такъ рѣшительно и съ такимъ чувствомъ, что братъ его Василій обратилъ на его слова вниманіе и сталъ думать, какъ бы и въ самомъ дѣлѣ не вздумалъ онъ бѣжать въ пустыню. Такъ и случилось. Пошелъ Ѳеденька къ вечерни, хотѣлъ тотчасъ же придти, по обыкновенію, домой, и не пришелъ. Вася испугался; побѣжалъ въ монастырь: вечерня давно кончилась (это было лѣтомъ), а брата не было ни въ церкви, ни въ монастырѣ; спрашивалъ у проходящихъ, не видалъ ли кто брата, и по разсказамъ догналъ его на дорогѣ. Вотъ до какой степени полюбилъ Ѳеденька жизнь пустынную и горѣлъ нетерпѣніемъ поступить въ монашество!

«А когда онъ кончилъ курсъ семинарскаго ученія и прі-

ѣхалъ ко мнѣ домой, я хотѣлъ женить его и ѣздилъ съ нимъ свататься; но — странное дѣло! — куда бывало ни пріѣдемъ съ нимъ, все не удается намъ сватовство. То мнѣ не понравится невѣста; то онъ скажетъ мнѣ на ухо: «нѣтъ, батюшка! не давайте слова; я не женюсь на ней. »Такъ мы ѣздили, ѣздили съ нимъ, и все безъ успѣха. Видно, впрочемъ, было, что ему самому не хотѣлось въ мірскую жизнь. И, въ самомъ дѣлѣ, однажды пріѣзжаемъ мы домой. Я сѣлъ вотъ здѣсь на лавочкѣ и говорю ему: ну, Ѳеденька, все что-то не удается намъ съ тобой. А онъ упалъ предо мной на колѣни и заплакалъ.— Что ты? спрашиваю его. Что съ тобой?—«Батюшка! говоритъ— благословите меня идти въ монахи. Я давно положилъ въ сердцѣ своемъ посвятить свою жизнь единому Господу и Пречистой Его Матери. Я боялся только сказать вамъ объ этомъ, чтобы не огорчить васъ.»—Поговорилъ я тогда съ нимъ по отечески: можетъ ли онъ снести жизнь монашескую; распросилъ его обстоятельнѣй о внутреннихъ его помыслахъ и расположеніяхъ, да снялъ съ полочки св. икону. Клади, сказалъ ему, поклоны,—а самъ заплакалъ и благословилъ его. Такъ и пошелъ мой Ѳеденька съ тѣхъ поръ, какъ по лѣсенкѣ, отъ подвига къ подвигу, отъ скорби къ скорби, а съ тѣмъ вмѣстѣ и отъ славы въ славу: сдѣлался учителемъ, потомъ префектомъ, потомъ ректоромъ семинаріи, и вотъ теперь архіереемъ. Но только много онъ, мой другъ, перенесъ и перетерпѣлъ въ жизни. Не на покой и веселье вступилъ онъ въ монашество, а поднялъ на свои плечики тяжелый, претяжелый крестъ. За то-то милосердый Господь и возвеличилъ его теперь: вотъ ужь онъ теперь святитель Божій, архіерей калужскій. Поѣду къ нему: приму отъ него святительское благословеніе. Онъ самъ пишетъ ко мнѣ, чтобъ я къ нему пріѣхалъ».

Вотъ первый разсказъ почтеннаго отца Георгія о сынѣ своемъ, высокопреосвященнѣйшемъ Филаретѣ.

Чрезъ 8 мѣсяцевъ послѣ того — въ сентябрѣ, послѣ ка-

никулъ, заѣхали мы съ братомъ за Яковомъ Космичемъ въ Высокое, чтобы ѣхать въ семинарію. Отецъ Георгій встрѣтилъ насъ съ какимъ-то восторженнымъ видомъ, повелъ въ горницу и сталъ разсказывать:

«Ну, вотъ и меня сподобилъ Господь увидѣть сына моего... Боюсь уже назвать его Ѳеденькой, какъ прежде называлъ его вамъ... Я видѣлъ преосвященнаго архипастыря Филарета. Вотъ какъ это было. Собрался я послѣ яроваго посѣва въ Калугу; запрягли мнѣ пару въ простую телѣжку; взялъ я съ собой мальчика деревенскаго и поѣхалъ. Дорогой, конечно, самъ и запрягалъ лошадей, самъ и подмазывалъ повозку: мальчикъ-то былъ малъ. Въѣзжаю я въ Калугу, взялъ самъ возжи и правлю лошадей. Это было часу въ первомъ по полудни. Погода была прекрасная. Должно быть, какой нибудь тогда былъ небольшой праздникъ: идетъ народъ изъ церкви, и я распрашиваю у проходящихъ: гдѣ архіерейскій домъ? Вдругъ слышу позади меня кричитъ форейторъ: правѣй съ дороги!—Я тотчасъ поворотилъ въ сторону, и мимо меня проѣхала карета четверней въ растяжку, съ форейторомъ. Не успѣлъ я опять повернуть моихъ лошадокъ на дорогу, какъ вижу карета остановилась впереди; отворяютъ дверцы, и изъ нея выходитъ архіерей. Я не зналъ, что и дѣлать; такъ испугался чего-то, что бросилъ возжи изъ рукъ, схватилъ съ себя шляпу и сталъ на вытяжку въ своемъ изношенномъ и запачканномъ подрясникѣ. А это былъ мой сынокъ, что я называлъ Ѳеденькой. Онъ увидѣлъ меня изъ кареты, тотчасъ велѣлъ кучеру остановиться и вышелъ ко мнѣ. Народъ, проходившій по улицѣ, увидѣвъ, что архіерей среди города за чѣмъ-то вышелъ изъ кареты, сбѣжался посмотрѣть, за чѣмъ онъ вышелъ. А онъ, мой драгоцѣнный...»

Старецъ Божій не могъ говорить при этомъ,—заплакалъ; потомъ продолжалъ: «а онъ обнялъ меня запачканнаго и запыленнаго, и крѣпко сталъ цѣловать меня; мало этого—схва-

тилъ было мою руку и хотѣлъ поцѣловать ее. Но я вырвалъ у него свою руку, и, бросивъ шляпу на землю, протянулъ къ нему обѣ руки свои и говорю: благослови, преосвященнѣйшій владыко!—Онъ благословилъ меня, и когда я сталъ цѣловать его руку, онъ и самъ ухватилъ мою и поцѣловалъ ее. Слезы полились у меня градомъ. Такое смиреніе! такая любовь сыновняя! — Потомъ онъ взялъ меня подъ руку, и ведетъ къ своей каретѣ, чтобы посадить въ нее. А я упираюсь и говорю: владыка! что ты? Мнѣ ли деревенщинѣ съ тобой въ карету! Я поѣду на своей телѣжкѣ.—«Нѣтъ! нѣтъ! говоритъ, ни за что не сяду теперь одинъ.»— Такъ таки силою посадилъ меня съ собой; приказалъ мальчику ѣхать за нами, и мы отправились въ архіерейскій домъ. Повѣрите ли, я не могъ ничего ѣсть въ тотъ день. Онъ меня подчуетъ и тѣмъ и тѣмъ, а я и рта не раскрою, чтобъ проглотить кусокъ; такъ былъ радъ и такъ смущенъ, что усердный сынокъ мой безпрестанно спрашивалъ меня: «да чѣмъ же мнѣ васъ, батюшка, подчивать? да чѣмъ же мнѣ угостить васъ?»—О Боже! какое счастіе имѣть такого сына! Прожилъ я у него въ архіерейскихъ покояхъ два мѣсяца: и времени не видалъ—словно въ раю пожилъ. Мнѣ кажется, ни одна мать не лелѣетъ такъ единственнаго своего сына, какъ онъ заботился о мнѣ. Бывало пріѣдутъ къ нему важные гости— князья и графы: я уйду въ свою комнату, чтобы скрыться отъ нихъ; а онъ какъ будто занятъ однимъ мною, начнетъ всякому разсказывать: «а ко мнѣ мой родитель пріѣхалъ; ужь какъ я радъ ему!»—Пойдетъ и приведетъ бывало меня къ нимъ; да еще станетъ при нихъ благодарить меня за воспитаніе. А я скажу ему: какое жь мое воспитаніе, владыко? Не я, грѣшный простакъ, а Господь милосердый воспиталъ тебя и теперь призвалъ на величайшую степень архіерейства.

«Чрезъ два потомъ мѣсяца моего блаженнаго житья въ Калугѣ сталъ я проситься у преосвященнаго, чтобъ онъ отпустилъ меня домой. Ему очень не хотѣлось разстаться со

мною, да и мнѣ самому хотѣлось бы еще пожить у него; но вѣдь мы люди деревенскіе: настало жнитво; проходитъ лѣто; надо подумать о домѣ и домашнихъ. И такъ, со слезами распростился я съ нимъ и уѣхалъ. Богъ знаетъ уже, доведется ля мнѣ на этомъ свѣтѣ еще видѣться съ нимъ. Надо теперь къ нему послать дочь Анну Егоровну (мать Якова Космича), Владыка велѣлъ прислать ее; непремѣнно просилъ прислать повидаться съ нимъ. Вѣдь мать-то ихъ давно умерла; а Анна Егоровна была для нихъ вмѣсто матери: и братья-то другіе очень любятъ и уважаютъ ее.»

Въ скоромъ потомъ времени Яковъ Космичь получилъ въ Сѣвскѣ письмо отъ родителя, въ которомъ извѣстили его, что дѣдушка его отецъ Георгій скончался. Сбылось его предчувствіе.

«По смерти отца Георгія, поѣхали мы опять съ Яковомъ Космичемъ домой на вакацію, и тогда добрая матушка его, Анна Егоровна — образецъ смиренія и кротости — расказала намъ и о своемъ путешествіи въ Калугу, къ преосвященному Филарету.

«Вотъ и я — говоритъ — повидалась съ братцемъ. Слава Тебѣ, Господи! То-то мнѣ страшно было пріѣхать въ архіерейскій домъ въ гости! Я не знала, какъ переступить и черезъ порогъ въ святительскіе покои. А онъ — нашъ милостивый Филаретъ — какъ скоро доложили ему, что я пріѣхала, самъ вышелъ ко мнѣ въ переднюю, благословилъ меня и повелъ въ свои покои. Онъ скорѣй узналъ меня, нежели я его, въ архіерейскомъ его видѣ. Думала ли я когда нибудь, что мой братецъ Ѳеденька будетъ архіереемъ! Онъ отвелъ для меня особыя комнаты, и когда бывало обѣдаютъ у него важныя лица, я долго спорю съ нимъ, чтобы мнѣ пообѣдать гдѣ нибудь одной. Нѣтъ-таки, бывало посадитъ за столъ съ гостями. Впрочемъ, я не знаю отъ чего, въ Калугѣ и вельможи-то все такіе простые и привѣтливые. Бывало разговорятся и со мною такъ

добродушно и просто. Я и во снѣ никогда бы не увидала такой ласки, доброты и заботливости, какія на дѣлѣ видала отъ моего братца въ теченіе двухъ недѣль, проведенныхъ мною въ Калугѣ. Онъ и меня, какъ покойнаго нашего родителя, не хотѣлъ бы скоро отпустить отъ себя; да вѣдь у меня домъ и дѣти. Пожила у него и стала собираться домой. А какъ совсѣмъ собралась и пришла я къ нему проститься, онъ такъ и ахнулъ. «Что жь ты мало—говоритъ—сестрица, пожила у меня?» и потомъ сталъ безпокоиться, что́ бы мнѣ дать на дорогу. А я говорю ему: не безпокойся, братецъ! Мнѣ ничего не нужно: я взяла изъ дому что́ надо на дорогу.—«Какъ это можно!» говоритъ. «Всякій скажетъ: вотъ пріѣзжала сестра къ брату своему, архіерею; а онъ и на дорогу ничего не далъ ей. Позовите ко мнѣ казначея.»—Да у васъ вѣдь, братецъ, говорю ему, я видѣла, какіе расходы на милостыню; вы настоящій нашъ Филаретъ милостивый.» А онъ какъ будто испугался или прогнѣвался на меня за это слово.—«Что́ ты? Что́ ты, сестра? »и зажалъ мнѣ ротъ. «Можно ли такъ величать грѣшника? И не говори и не повторяй этого: ты обидишь меня. А о томъ не безпокойся, что разоришь меня: развѣ не видала ты, какія у меня шолковые богатые рясы и подрясники?»

Пока такъ говорилъ онъ со мною, вошелъ въ комнату старичекъ-монахъ, такой строгій и суровый: это былъ казначей его. Братецъ говоритъ ему: «вотъ сестра моя ѣдетъ домой: что́ бъ ей дать на дорогу?»—А что́ жь есть у васъ, преосвященнѣйшій? отвѣчаетъ казначей.—Вѣдь у васъ денегъ всего на всего осталось въ кружкѣ 70 р. асс.

—«Ну, такъ что́ жь? И слава Тебѣ, Господи! Сестрицѣ достанетъ на дорогу.

—Но что́ сами-то, владыко, будете кушать? Вѣдь я и теперь не придумаю, чѣмъ содержать вашъ домъ.

—«Ну, что тамъ безпокоишься? мы проживемъ, Богъ дастъ, и безъ 70 рублей. Поди-ка принеси ихъ, да отдай сестрицѣ.»

Какъ я ни отговаривалась, братецъ отдалъ мнѣ и послѣднія свои деньги. Мнѣ даже стало жалко его. Ужь какой онъ добрый и милостивый!»

Вотъ содержаніе разсказа о высокопреосвященномъ Филаретѣ, слышаннаго мною отъ его родителя и его родной сестрицы!

Можете представить себѣ, какъ мнѣ послѣ этого разсказа желалось лично видѣть великаго іерарха православной Церкви нашей и принять отъ него архипастырское благословеніе. И что́ же? Господь удостоилъ меня этого счастія. Я не только видѣлъ приснопамятнаго святителя, и слышалъ архипастырскій гласъ его, и принялъ отъ него святительское благословеніе, но удостоился и служить съ нимъ божественную литургію. Это было при преосвященномъ нашемъ Евлампіѣ, когда я былъ каѳедральнымъ протоіереемъ. Помню, какъ однажды въ лѣтнее время преосвященный прислалъ за мной и сказалъ мнѣ, что къ нему пріѣхалъ высокопреосвященный митрополитъ Филаретъ проѣздомъ изъ Петербурга на свою кіевскую митрополію, и желаетъ помолиться въ новомъ Орловскомъ соборѣ, тогда въ первый разъ только освященномъ. Вообразите мою радость неожиданную, неописанную. Скоро, по звону колокола, собралось въ соборъ много народа: услышали, что митрополитъ придетъ въ соборъ. И митрополитъ вошелъ въ св. храмъ съ преосвященнымъ Евлампіемъ, приложился ко св. кресту и мѣстнымъ иконамъ, окропилъ св. водою предстоящихъ, взошелъ на амвонъ и сталъ говорить народу такимъ простымъ и искреннимъ языкомъ, что всѣ мы, какъ малыя дѣти, внимали кроткому гласу нѣжнѣйшаго отца своего.

— «Ну, здравствуйте», говоритъ, «православные! Богъ да благословитъ всѣхъ васъ! Живите съ миромъ о Господѣ! Я самъ жилъ здѣсь и учился въ вашемъ городѣ, когда былъ мальчикомъ. Вотъ здѣсь, на монастырской слободѣ, я и квар-

тировалъ у добраго моего хозяина Селихова. Не знаю, живъ ли онъ теперь, и живы ли его дѣтки?»

И вдругъ—вообразите наше удивленіе—изъ толпы народа выходитъ сѣдой старичекъ и кланяется ему въ ноги.—«Живъ», говоритъ, «владыка святый! Живъ я, твой бывшій хозяинъ; живы и дѣтки мои, которыхъ знаешь.»—Трогательно было видѣть, съ какимъ радушіемъ и усердіемъ благословилъ его высокопреосвященный.

—Теперь я, говоритъ ему Селиховъ, монастырскій крестьянинъ:—не то, что́ прежде былъ, при тебѣ, преосвященный: живу я, слава Тебѣ, Господи! И той избушки, въ которой жилъ ты съ братцами, у меня нѣтъ ужь теперь: у меня хорошій теперь домикъ, и всего въ домѣ—слава Тебѣ, Господи!

—«Хорошо, сказалъ высокопреосвященный:—я пріѣду къ тебѣ въ гости; дожидай меня», благословилъ всѣхъ до единаго въ храмѣ Божіемъ и вечеромъ въ тотъ же день, вмѣстѣ съ преосвященнымъ Евлампіемъ, былъ у своего хозяина въ гостяхъ.

Увидѣвшись послѣ съ счастливымъ тѣмъ крестьяниномъ, спрашивалъ я его между прочимъ: ну, что́ говорилъ съ тобою высокопреосвященнѣйшій?—Да все вспоминалъ, говоритъ, какъ жилъ онъ у меня маленькимъ мальчикомъ, и я очень любилъ его. А помнишь ли—говоритъ—какъ мы съ тобой ѣздили въ поле за снопами? Какъ—говорю—не помнить, преосвященный владыко! Помню, какой бывало ты охотникъ пѣть: сидишь на возу и все поешь духовные псальмы: ужь какъ я за это любилъ тебя!—А помнишь ли, какъ я было ушелъ отъ васъ въ пустыню?—Какъ, говорю, не помнить, преосвященный владыко! Спасибо, братецъ-то твой Василій нагналъ тебя, да воротилъ домой.

На другой день послѣ того, высокопреосвященный митрополитъ вмѣстѣ съ преосвященнымъ Евлампіемъ совершили божественную литургію въ нашемъ соборѣ, и въ то время Господь

удостоилъ и меня предстоять и молиться съ ними предъ престоломъ Божіимъ. Не могу выразить моей радости, моего благодаренія Господу.

—Изъ Орла высокопреосвященный заѣхалъ тогда на свою родину, въ село Высокое, на могилу своихъ родителей, стоялъ и тамъ въ обѣднѣ, помянулъ своихъ родителей, угощалъ нищихъ. Сестрица его Анна Егоровна разсказывала послѣ мнѣ, какъ она принимала и угощала его у себя въ домѣ.—Не знала— говоритъ—я, гдѣ посадить его и чѣмъ подчивать его: ничего не кушаетъ и ничего не хочетъ братецъ; а только обошелъ всѣ закоулочки въ домѣ, гдѣ онъ родился; побывалъ и посидѣлъ на своемъ пчельникѣ, походилъ по садочку и потомъ по березовой рощицѣ, гдѣ игралъ маленькимъ ребенкомъ. А вечеромъ, когда пришло время ложиться спать, я внесла было въ его горницу большой свой пуховникъ и положила его на полъ. Какъ онъ вскрикнетъ на меня: «что̀ ты это вздумала, сестрица! Да я не умѣю спать на пуховникѣ: я пойду подъ сарай на сѣно, какъ въ старину спалъ съ братьями.»—И! что̀ ты говоришъ, братецъ! подъ сарай? Да развѣ я допущу тебя до этого! Сохрани Господи! Мнѣ тогда и на свѣтъ нельзя показаться. Вотъ, скажутъ, сестра брата своего, митрополита подъ сарай отправила спать!—«Ну, когда такъ—говоритъ онъ—, то постели хоть соломы на полъ, а пуховникъ-то свой тащи вонъ.»—Нечего было дѣлать: постлала соломы. Но только онъ цѣлую ночь не спалъ: то молился Богу, то писалъ что-то: должно быть, проповѣдь писалъ на свой пріѣздъ въ Кіевъ.»

Вотъ вамъ нѣкоторыя подробности изъ жизни и свойствъ приснопамятнаго архипастыря нашего, митрополита кіевскаго. Святыми молитвами его да спасетъ и помилуетъ насъ превѣчный Пастыреначальникъ нашъ Господь Іисусъ Христосъ.

Протоіерей Евѳимій Остромысленскій.

О ДРЕВНИХЪ УКРАШЕНІЯХЪ КІЕВО-СОФІЙСКАГО СОБОРА.

(Продолженіе).

Перейдемъ въ придѣлы дальнѣйшіе. На южной сторонѣ теперь находимъ придѣлъ преп. Антонія и Θеодосія, на сѣверной, параллельный ему, придѣлъ равноапостольнаго Владиміра. Это придѣлы позднѣйшіе; а въ древности оба они, вмѣстѣ съ галлереею западною, составляли одну внутреннюю галлерею собора, гдѣ совершались литіи (какъ и нынѣ совершаются въ западномъ отдѣленіи). Оставшіеся фрески на стѣнахъ этой галлереи представляютъ большею частію святыхъ іерарховъ (на южной) и св. мучениковъ (на сѣверной сторонѣ). Здѣсь были, конечно изображены и другіе святые, а на сводахъ, вѣроятно, небесныя силы,—вообще тѣ святые, которыхъ ходатайство призывается на литійномъ моленіи, а также святый крестъ, о силѣ котораго упоминается въ тойже молитвѣ („Спаси, Боже, люди твоя и благослови достояніе твое“ и пр.) (*).

Въ сѣверной галлереѣ, гдѣ нынѣ олтарь Владиміровъ, сохранился мраморный памятникъ храмоздателя Ярослава. Здѣсь ли этотъ памятникъ былъ въ древности? Пишутъ нѣкоторые (на прим. Зах. Копыстенскій), что гробъ Ярослава находится въ придѣлѣ св. Григорія, т. е. какъ нынѣ открыто, в. мученика Георгія, сосѣдственномъ нынѣшнему Владимірскому. Быть-мо-

---

(*) Нынѣ на сводахъ написаны: на южномъ, явленія ангельскія, на сѣверномъ—чудеса в. м. Георгія, по подражанію сосѣдственнымъ придѣламъ архангельскому и георгіевскому.

жетъ, благочестивый храмоздатель дѣйствительно погребенъ въ олтарѣ тезоименитаго ему святаго; но памятникъ большею частію своею выдавался въ галлерею сосѣднюю, а только меньшею вдинутъ былъ въ стѣну придѣла георгіевскаго гдѣ, кажется, была сквозная арка (*),—для того, чтобъ видѣнъ былъ всѣмъ. Вѣроятно и то, что когда подлѣ олтаря георгіевскаго другаго къ югу не было, памятникъ, поставленный частію своею въ стѣнѣ олтаря, древніе почитали принадлежащимъ къ этому придѣлу (георгіевскому). Не отвергаемъ и того мнѣнія, что Монголы, искавшие сокровищъ въ самыхъ гробахъ князей, разоряя памятникъ Ярославовъ, сдвинули его съ мѣста, и въ послѣдствіи онъ поставленъ на мѣстѣ настоящемъ. Думаемъ даже, что самый гробъ в. князя былъ выброшенъ, и онъ есть тотъ самый, который нынѣ поставленъ на виду въ придѣлѣ успенскомъ (**).

Выйдемъ въ древнія галлереи внѣшнія, гдѣ нынѣ съ одной стороны придѣлы успенскій и апостольскій, съ другой—св. Предтечи (бывшій до возобновленія благовѣщенскій) и срѣтенскій (до временъ м. Евгенія, предтечевскій). Въ древности не было здѣсь стѣнъ, раздѣляющихъ эти отдѣленія каждое на двѣ половины, какъ нынѣ, а были двѣ галлереи съ открытыми на дворъ большими арками (какъ это замѣтно и теперь). Здѣсь собирался народъ въ ожиданіи Богослуженія; отсюда мущины вводились внутрь храма дверми боковыми обыкновенными, а женщины, по двумъ вьющимся около столбовъ лѣстницамъ, взводились на галлерею верхнюю. Была ли и на этихъ нижнихъ галлереяхъ фресковая живопись? Примѣтны остатки ея, и въ одномъ мѣстѣ, сквозь побѣлку известковую, просвѣчи-

(*) Въ такомъ положеніи онъ до насъ сохранился.

(**) Этотъ пустой гробъ сходенъ длиною своею и качествомъ мрамора съ памятникомъ. На немъ кресты и другія насѣчки также сходны, по работѣ, съ фигурами на памятникѣ. Отбитый уголъ этого гроба показываетъ, что онъ былъ взломанъ.

ваетъ ликъ святаго съ воздѣтыми на молитву руками. Вѣроятно, здѣсь были многіе лики святыхъ подвижниковъ, а можетъ быть и ангеловъ, своимъ положеніемъ молитвеннымъ напоминающихъ вѣрующимъ о домѣ молитвы, при дверяхъ котораго они стояли. Вездѣ, и внутрь и внѣ собора, встрѣчали взоры предковъ нашихъ поученія христіанскія, которыя питали души ихъ и утверждали въ нихъ вѣру и благочестіе.

Но вотъ всходимъ мы по лѣстницамъ на верхнюю галлерею, и, къ удивленію нашему, видимъ по стѣнамъ картины фресковыя свѣтскія, повидимому, неприличныя храму. Для чего, спрашиваемъ, здѣсь эти кабанъ и медвѣдь поражаемые охотниками, эти львы и этотъ барсъ, также поражаемый охотничьимъ копьемъ? Сего мало: для чего, на низшей полосѣ, представлены разныя игры народныя, эта толпа пляшущихъ и играющихъ на разныхъ инструментахъ? По картинамъ высшей полосы, гдѣ видны звѣри, нѣкоторые заключили, будто все это есть не что иное, какъ изображеніе княжеской охоты, которую любилъ Ярославъ, а потому хотѣлъ видѣть ее такъ близко къ самому храму: можно ли такъ думать о благочестивомъ храмоздателѣ? Барсъ и львы, которыхъ нѣтъ и не было въ лѣсахъ русскихъ, показываютъ, что это не охота русская; царь сѣдящій на тронѣ и дающій судъ стоящему предъ нимъ народу, княгиня или царица ведущая за собою народъ (на стѣнѣ гдѣ сѣверная лѣстница), человѣкъ поражающій сѣкирою чудовище (въ видѣ человѣка съ большимъ птичьимъ носомъ) и проч. отвергаютъ со всѣмъ мысль объ охотѣ звѣриной, будтобы главномъ предметѣ этихъ картинъ древнихъ (*).

(*) По неприличію такихъ картинъ храму, была мысль закрыть ихъ однообразною краскою; но блаженной памяти Государю Императору Николаю Павловичу угодно было все это оставить въ томъ видѣ, какъ открыто,—по уваженію къ древности.

Не признаемъ мы и своего изъясненія, какое хотимъ изложить, совершеннымъ, потому особенно что между картинами уцѣлѣвшими много мѣстъ праздныхъ, гдѣ были, можетъ быть важнѣйшія изображенія, по которымъ скорѣе можно бы было разгадать главную мысль всѣхъ фресковъ, принадлежащихъ этимъ двумъ отдѣламъ собора. Увѣрены однако, что и здѣсь кисть художниковъ православной Византіи трудилась не для потѣхи народа или князя храмоздателя, а также хотѣла представить намъ нѣчто поучительное. Чтоже именно?

Полагаемъ, что по стѣнамъ лѣстницы южной изображены виды суеты и пороковъ свѣта вмѣстѣ съ плачевными ихъ послѣдствіями, а на сторонахъ лѣстницы сѣверной противоположность тому, и объясняемъ все это слѣдующимъ образомъ.

Стоя на верхнихъ ступеняхъ лѣстницы полуденной и потомъ сходя внизъ видимъ: вотъ толпа юродствующихъ весельчаковъ, играющихъ и пляшущихъ, а одинъ изъ нихъ усиливается взлѣсть на высокій столбъ; далѣе человѣкъ, какъ воръ, подкрадывается къ двери; еще далѣе два, одинъ противъ другаго, собирающіеся драться (одинъ съ сжатою въ кулакъ рукою); противъ этихъ картинъ, изображающихъ такъ ясно грубыя удовольствія міра, была, кажется, картина пиршества или сластолюбія, какъ можно догадываться, по оставшимся изображеніямъ человѣка несущаго окорокъ и голову кабана, другаго, держащаго въ рукѣ блюдо и еще трехъ, также вѣроятно нѣчто несшихъ на пиръ, но блюда и кушанья вѣроятно, изъѣдены временемъ, и теперь эти три человѣка съ пустыми руками). Къ празднымъ потѣхамъ относимъ и картину всадникоаъ, выѣзжающихъ на четверкахъ коней какъ бы на ристалище. Но вотъ, далѣе уже другой видъ, не веселый, а печальный: толпа людей стоитъ на судѣ предъ царемъ, еще далѣе многіе видны сидящими въ темницѣ, за желѣзными рѣшетками. Быть можетъ, еще ниже, видны были

и другія казни пороковъ; но это закрыто возвысившимся выше древняго уровня поломъ сего собора (*).

Верхняя картинная полоса, по нашему мнѣнію, имѣетъ свое значеніе, но не слишкомъ отдаленное отъ значенія картинъ нижнихъ. Она большею частію относится къ украшенію сводовъ, гдѣ видимъ грифовъ, крилатаго льва и другихъ баснословныхъ животныхъ. Мы находимъ здѣсь аллегорическое изображеніе также пороковъ міра. Вотъ барсъ преслѣдуетъ лошадь, а человѣкъ съ копьемъ въ рукѣ поражаетъ барса: не образъ ли это вражды, которая и у частныхъ людей и у цѣлыхъ народовъ заставляетъ однихъ преслѣдовать другихъ, а самихъ гонителей подвергаетъ гоненію отъ враговъ новыхъ? Далѣе два льва терзаютъ лошака: это указаніе на злобу сильныхъ противъ слабыхъ. Противъ этихъ аллегорическихъ картинъ видимъ слѣдующую: противъ малаго звѣрка на деревѣ одинъ охотникъ направляетъ стрѣлу, другой—копье, а внизу дерева готова растерзать звѣрка собака, такъ что бѣдный звѣрокъ со всѣхъ сторонъ видитъ для себя смертельную опасность. Чтожъ? думаемъ мы, не такъ ли въ мірѣ разставляются сѣти и опасности невинности? Но здѣсь же, близъ этой картины, видимъ, что и сильныя животныя погибаютъ часто отъ руки сильнѣйшей или искуснѣйшей: (это изображено въ картинахъ, представляющихъ пораженіе кабана и медвѣдя).

Будемъ всходить по лѣстницѣ со стороны сѣверной. Аллегорическія изображенія здѣсь находимъ одну при самомъ входѣ на лѣстницу, другую нѣсколько далѣе. Полагая, что далѣе изображенная царица въ діадимѣ и съ вѣнцемъ святыхъ, ведущая за собою народѣ, представляетъ руководительницу

(*) Самыя лѣстницы по мѣстамъ закрываютъ часть нижней картинной полосы, А что полъ собора былъ прежде гораздо ниже, на аршинъ и болѣе, видно по изображеніямъ нѣкоторыхъ святыхъ въ олтарѣ, которыхъ ноги нынѣ закрыты поломъ. Еще болѣе возвысилась внѣшняя площадь собора, (въ 800 съ лишкомъ лѣтъ), такъ что нынѣ сходятъ въ него 5-ю ступенями.

къ св. вѣрѣ, мы, въ картинахъ пораженія чудовища сѣкирою и медвѣдя копьемъ, находимъ пораженіе языческаго невѣрія и дикихъ суевѣрій. Далѣе царицы и народа слѣдуетъ длинная пустая полоса гдѣ, вѣроятно, въ древности видѣли и то, куда приводимъ былъ народъ, т. е. или крещальню или церковь. Потомъ слѣдовали такія явленія, въ которыхъ выражались дальнѣйшіе успѣхи христіанства. Такъ этотъ царь, безъ всякаго оружія сидящій на конѣ, безъ сомнѣнія, ѣдетъ не на охоту, а либо для обозрѣнія нуждъ своего народа либо для обращенія къ вѣрѣ дальнихъ своихъ подданныхъ. Еще далѣе видимъ царя на престолѣ, дающаго судъ своему народу; но ни вблизи ни дальше не находимъ темницы, какъ на всходѣ южномъ. Выше этой картины еще есть одна нисколько ни похожая на тѣ изображенія мірскихъ удовольствій, какія видѣли мы на прежней лѣстницѣ: здѣсь представляется храмъ и при немъ царевна съ своими спутницами, идущая въ него или уже изъ него вышедшая. Вотъ и всѣ почти картины этого всхода (*) на галлерею верхнюю, т. е. туда, гдѣ взошедшія жены должны были сами наслаждаться тѣми удовольствіями, не мірскими, а духовными, какія доставляютъ благочестивымъ священныя изображенія этой галлереи.

Взошедши на верхъ лѣстницъ, мы теперь должны проходить, на южной сторонѣ, чрезъ придѣлъ Страстей, а на сѣверной, чрезъ придѣлъ Богоявленія,—придѣлы позднѣйшіе, какъ и тѣ, въ которыхъ нынѣ помѣщаются, съ одной стороны, архіерейская ризница и библіотека, а съ другой, придѣлъ Іоанна Богослова и ризница священническая. Съ верхней площади каждой лѣстницы матери семействъ и дѣвы входили въ галлереи верхнія почти непосредственно, и, остановляясь прежде всего противъ восточной стороны храма, покланялись величественному образу Богоматери, называемому

(*) Не говоримъ о значеніи нѣкоторыхъ фигуръ, написанныхъ, кажется, для одного украшенія сводовъ (наприм. объ орлѣ нападающемъ на зайца, о разныхъ другихъ птицахъ, крылатомъ львѣ и т. п.)

нынѣ, „Нерушимою стѣною", который отсюда весь видѣнъ въ олтарѣ. При низкомъ древнемъ иконостасѣ, отсюда можно было обозрѣвать и всѣ мозаическія картины олтарныя, и большую часть образовъ фресковыхъ въ срединѣ храма. Высокими перилами или рѣшетками закрывались древнія молитвенницы отъ стоящихъ внизу собора и безпрепятственно изливали здѣсь свои горячія молитвы. Здѣсь же, на стѣнахъ и сводахъ, какъ много поучительнаго усматривали онѣ въ верхнихъ картинахъ фресковыхъ! Вотъ, на правой сторонѣ, изображенъ Спаситель, въ присутствіи своей пресвятой Матери, претворяющей воду въ вино, на бракѣ, напоминающемъ христіанамъ супругамъ то благословеніе, которое они получили на бракѣ своемъ отъ Негоже. Далѣе, къ нынѣшнему олтарю Андреевскому, картина (нынѣ не цѣлая) представляла, кажется, прозрѣніе того слѣпца при купѣли силоамской, (*) который родился слѣпымъ, но, по суду самаго небеснаго Судіи, терпѣлъ свое нещастіе не за грѣхи родителей, а по устроенію премудраго и всеблагаго промысла. Это поучительный и утѣшительный урокъ родителямъ, особенно матерямъ, нерѣдко оплакивающимъ какіе либо недостатки дѣтей своихъ, съ которыми сіи родились.

Къ западу представляются двѣ картины изъ ветхаго завѣта: Авраамъ, приносящій на жертву сына своего и онъ же земнымъ поклономъ зазывающій странниковъ въ домъ свой, т. е. высокій образъ любви къ Богу и любви къ ближнему. Далѣе, по всей западной сторонѣ собора, въ этой верхней части его, могли быть также картины ветхозавѣтныя, гдѣ, на прим., добрыя жены праотцевъ Іудейскихъ (Сарра, Раавъ, Деввора, Руѳъ, Іудиѳь) напоминали о своихъ добро-

(*) Купѣль видна; виденъ и человѣкъ возвращающійся отъ нея съ посохомъ въ рукѣ. Но не уцѣлѣло изображеніе самаго Спасителя и апостоловъ.

дѣтеляхъ женамъ нашихъ праотцевъ русскихъ. (*) На сѣверной галлереѣ, изъ ветхозавѣтныхъ событій, изображены три отрока въ пещи вавилонской, какъ образецъ и плодъ воспитанія въ страхѣ Божіи, и примѣръ страннопріимства — авраамово угощеніе трехъ ангеловъ, между которыми былъ самъ Ангелъ превѣчнаго совѣта—сынъ Божій. Далѣе, къ олтарю (нынѣшнему николаевскому), представляются гефсиманскія страданія Спасителя, а на самой верхней картинѣ-образъ Тайной вечери. (**) Все это, вмѣстѣ со многими изображеніями святыхъ отдѣльными, по всѣмъ столбамъ и высотамъ галлерей верхнихъ, поучало вѣрѣ добродѣтелямъ не менѣе, какъ и то, что видимо съ низу собора. Матери семействъ, исполнясь сими поученіями, и возвратясь въ свои домы, могли имѣть богатый запасъ предметовъ благочестивыхъ домашнихъ бесѣдъ.

Итакъ справедливо будетъ наше слѣдующее замѣчаніе: Не была въ древности много распространена грамотность въ народѣ русскомъ,- ни отъ школъ Владиміровыхъ, ни отъ библіотеки Ярослава; но самый храмъ к. Софійскій и подражавшіе ему другіе храмы были наилучшими поучительными книгами, которыя поучали и неграмотныхъ предковъ нашихъ.

(*) А можетъ быть и то, что по всей этой стѣнѣ (нынѣ новой, ничего несохранившей древняго) было изображеніе Страшнаго Суда Христова, которое часто встрѣчаемъ въ церквахъ по всей Россіи.

(**) На южной галлереѣ, противъ этой картины, написана также нѣкоторая вечеря, кажется, та виѳанская (Іоан. гл. 12), на которой Марія, сестра Лазаря, излила на ноги Спасителя драгоцѣнное мvро. Но лика сей жены нынѣ не видно на картинѣ.

Религіозный быть умалишенныхъ.

Съ лишеніемъ разсудка, въ каждомъ человѣкѣ, религія проявляется болѣе или менѣе безсознательно. Проявленіе ея въ умалишенномъ всегда идетъ въ параллель съ степенью и качествомъ сумасшествія. Впрочемъ какъ бы ни была значительна потеря разсудка, до какой бы степени ни доходило сумасшествіе, многіе изъ умалишенныхъ участвуютъ не только въ общественномъ Богослуженіи, но и въ домашней молитвѣ.

Звукъ разбитаго колокола, висящаго около Кирилловской Церкви на двухъ столбахъ, даетъ знать и многимъ изъ сумасшедшихъ объ имѣющемъ начаться Богослуженіи. Нѣкоторые изъ нихъ, услышавши этотъ зовъ къ общественной молитвѣ, тотчасъ изъявляютъ желаніе идти въ храмъ Божій. Прислуживающіе умалишеннымъ спѣшатъ удовлетворять ихъ святому, хотя и малосознательному, желанію. Подъ надзоромъ своей прислуги умалишенные являются въ храмъ Божій и молятся отъ начала до конца службы Божіей. Всѣ они осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ Господа нашего Іисуса Христа и, по убѣжденію своей прислуги, кладутъ земные поклоны; а нѣкоторые изъ нихъ въ продолженіе всего Богослуженія стоятъ на колѣняхъ и по молитвенникамъ читаютъ молитвы. Случается иногда, что умалишенные даже просятъ помянуть имена ихъ при совершеніи святой проскомидіи и на молебныхъ пѣніяхъ. Кто изъ нихъ имѣетъ въ рукахъ своихъ одну, другую лепту, тотъ покупаетъ свѣчу и ставитъ ее предъ святыми иконами, или зажегши держитъ ее въ рукахъ. Принося эту жертву

Богу, почти каждый изъ нихъ обнаруживаетъ душевную радость, проявляющуюся улыбкою на устахъ. Конечно, эта радость ихъ имѣетъ не болѣе смысла, какъ и радость дитяти, приносящаго, по убѣжденію родителей, подобную же жертву Богу. За порядкомъ Богослуженія умалишенные сами по себѣ не могутъ слѣдить и не слѣдятъ, но никогда не производятъ безчинія въ храмѣ Божіемъ и не противорѣчатъ, когда ихъ убѣждаютъ или креститься, или наклонить голову, или перестать безсмысленнымъ взоромъ блуждать во храмѣ Божіемъ или присматриваться къ кому либо изъ молящихся.

Большая часть сумасшедшихъ не отказываются говѣть въ великій постъ, и въ это время сами по себѣ просятъ, чтобъ имъ давалась постная пища, Если же иногда она не дается имъ, то они довольствуются кускомъ хлѣба съ солью и стаканомъ воды. Къ исповѣди и принятію Таинъ Христовыхъ допускаются только тѣ изъ нихъ, которые изъявляютъ добровольное желаніе и обнаруживаютъ сознаніе важности и спасительности этихъ таинствъ. Замѣчательно, что предъ смертію почти каждый изъ сумасшедшихъ проситъ исповѣди и святаго причастія. И предсмертная исповѣдь ихъ бываетъ почти сознательною, вѣроятно потому, что въ это время, при совершенномъ ослабленіи тѣла, имѣющаго поврежденный мозгъ, душа начинаетъ уже дѣйствовать болѣе самостоятельно; вслѣдствіе начинающейся отрѣшенности отъ тѣла и ей возвращается естественная дѣятельность разсудка.

Умалишенные, имѣя возможность участвовать въ общественномъ Богослуженіи, никогда не лишаются душевнаго утѣшенія молиться и въ отведенномъ для нихъ помѣщеніи. Въ домахъ умалишенныхъ съ недавняго времени поставлены святыя иконы и заведена ежедневная утренняя и вечерняя молитва. Сестры милосердія, прислуживащія умалишеннымъ, каждый день утромъ и вечеромъ созываютъ, кого возможно, изъ больныхъ въ большую палату, назначенную имъ для

дневнаго препровожденія времени, и читаютъ для нихъ молитвы; случается иногда, что и кто либо изъ умалишенныхъ прочитаетъ нѣсколько молитвъ для своихъ сожителей. Есть между ними нѣсколько и такихъ, которые имѣютъ обыкновеніе въ продолженіе цѣлаго дня носить при себѣ молитвенникъ и часто становятся на колѣни, оставаясь въ такомъ положеніи по нѣсколько часовъ сряду.

Не всѣ умалишенные участвуютъ въ общественномъ Богослуженіи и домашней молитвѣ; есть между ними довольно и такихъ, которые и въ церковь никогда не приходятъ и въ палатахъ своихъ никогда не молятся и даже никогда не крестятся. Какъ объяснить это противурелигіозное настроеніе? Жизнь умалишеннаго и въ религіозномъ отношеніи, таже какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, имѣетъ свое основаніе въ жизни каждаго изъ нихъ до умопомѣшательства. Кто при здоровомъ состояніи имѣлъ искреннее сочувствіе къ религіи, кто свято чтилъ и благоговѣйно исполнялъ всѣ требованія вѣры, тотъ и во время сумасшествія сочувствуетъ религіи, хотя и безсознательно, и возможнымъ при его состояніи образомъ обнаруживаетъ уваженіе къ предметамъ христіанскаго благоговѣнія. Напротивъ, кто до сумасшествія питалъ холодность къ религіи, кто былъ христіаниномъ только по наружности, чья душа была чуждою духа Христова, тотъ во время сумасшествія не только питаетъ холодность къ религіи, но совершенно забываетъ объ ней;-встрѣча съ предметами христіанскаго благоговѣнія отнюдь не производитъ на него благодатнаго воздѣйствія. Такого рода двоякое, одно другому противоположное, отношеніе сумасшедшихъ къ религіи есть естественное слѣдствіе качества ихъ религіознаго состоянія до умопомѣшательства.

Сумасшествіе, до какой бы степени ни доходило, всегда должно носить на себѣ отпечатокъ прежней разумной дѣятельности. Такъ я умозаключалъ о двоякомъ, одно другому

противоположномъ, отношеніи сумасшедшихъ къ религіи, не имѣвши возможности повѣрить на опытѣ свою догадку. И неоднократныя наблюденія мои при домѣ умалишенныхъ вполнѣ подтвердили мое умозаключеніе. Для наблюденія весьма многихъ сумасшедшихъ и при всякомъ случаѣ старался я разузнать ихъ религіозное состояніе,—и результатъ моихъ опытовъ былъ всегда одинъ и тотъ же, именно, что сумасшедшій и въ религіозномъ, также какъ и въ другихъ отношеніяхъ, носитъ отпечатокъ прежней разумной дѣятельности.

Свящ. П. О—скій.

ПОСѢЩЕНІЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ИМПЕРАТРИЦЕЙ ЕВГЕНІЕИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ПАРИЖѢ.

5-го (17-го) сего декабря, посѣтила нашу парижскую церковь супруга императора французовъ, императрица Евгенія. Вотъ, что знаемъ мы объ этомъ посѣщеніи, изъ *частныхъ*, но вполнѣ достовѣрныхъ извѣстій, полученныхъ нами изъ Парижа. Императрица пріѣхала посмотрѣть церковь нашу, какъ говорится, нежданo—негадано. Замѣтимъ, что императрица Евгенія родомъ испанка и извѣстна, какъ ревностная католичка. Надо полагать, что молва о русской церкви живо заинтересовала французскую государиню, если она, не смотря ни на свое общественное положеніе, ни на свои личныя религіозныя чувства, рѣшилась переступить порогъ храма, посвященнаго вѣроисповѣданію *некатолическому*, какъ честятъ св. Вѣру нашу самые даже умѣренные латины. По правиламъ папства, добрый католикъ никогда не долженъ посѣщать церкви, гдѣ не возвѣщается имя папы. Присовокупимъ къ этому еще и то, что въ парижскихъ церквахъ уже давно предостерегали «добрыхъ католиковъ» насчетъ новоявленной, въ Парижѣ, шизматической церкви. Одинъ проповѣдникъ (церкви Лореттской Божіей Матери, если память не измѣняетъ мнѣ) простеръ свою католическую ревность до того, что убѣждалъ католиковъ не только не входить въ душепагубную русскую пагоду (la pagode), но даже и мимо ея не проходить, чтобы не заразиться отъ нея (pour ne pas s'en empester). Слыша объ этихъ фанатическихъ выходкахъ, добрый о. Іосифъ улыбался и, съ свойственною ему проницательностію, говорилъ своимъ

прихожанамъ: «Я радуюсь всѣмъ этимъ декламаціямъ; теперь пойдутъ въ церковь нашу даже и тѣ французы католики, которые, быть можетъ, при молчаніи своихъ проповѣдниковъ, и не подумали бы идти въ русскую церковь». О. Васильевъ не ошибался. — Ультрамонтанскія проповѣди ни къ чему не послужили. Въ церкви нашей были, какъ мы уже и прежде писали, сестры милосердія, священники, даже епископы французско-латинскіе. Наконецъ, и сама императрица Евгенія, на которую такъ много расчитываютъ ультрамонтаны, посѣтила русскую церковь! «Дѣло, пишутъ, было слѣд. образомъ: императрица, сказали мы, пріѣхала, никого не предваривъ о своемъ посѣщеніи. По счастію, протоіерей Васильевъ случился дома на этотъ разъ (въ послѣобѣдніе часы онъ обыкновенно дѣлаетъ свои длинныя пастырскія посѣщенія и возвращается домой только подъ вечеръ, къ обѣду). Императрица, какъ посѣтительница нежданная, была такъ скромна, что остановилась внѣ рѣшетки, и, выйдя изъ экипажа на улицѣ, должна была идти пѣшкомъ по церковному двору. Протоіерей Васильевъ, увидя изъ окна своего жилища, что у калитки остановились двѣ блистательныя кареты и что къ церкви пробираются двѣ, одѣтыя въ трауръ, дамы, въ сопровожденіи кавалера и двухъ роскошно галунованныхъ лакеевъ, заключилъ, что тутъ прибыли какіе нибудь знаменитые посѣтители изъ иностранцевъ, а потому и поспѣшилъ въ церковь, чтобы самому быть руководителемъ ихъ. Каково же было его удивленіе, когда въ одной изъ дамъ онъ узналъ императрицу Евгенію. Узнала нашего протоіерея и ея величество. Войдя въ церковь и окинувъ ее всю взоромъ, императрица не могла сдержать глубокаго чувства изумленія красотѣ церковной въ нашей парижской церкви и, обратясь къ о. Васильеву, сказала: «ахъ, какая дивная церковь! Какъ хорошо здѣсь чувствуется!„

Послѣ подробнаго обзора церкви, императрица пожелала осмотрѣть и св. олтарь. Протоіерей объяснилъ Ея Величеству,

что, по правиламъ восточной церкви, входъ во святилище возбраненъ женскому полу; но, желая удовлетворить желаніе высокой посѣтительницы, о. Іосифъ отдернулъ занавѣсъ у царскихъ вратъ и отворилъ сѣверныя и южныя врата, такъ что императрица безъ труда могла разсмотрѣть алтарь и видѣть св. престолъ. Чтобы дать ей ближайшее понятіе о напрестольной святынѣ, о. Васильевъ вынесъ изъ алтаря крестъ и евангеліе. Евангеліе, въ парижской церкви, очень большаго формата и прекрасно обдѣлано въ вызолоченное серебро, со множествомъ стразъ около образковъ. Императрица, привыкнувъ видѣть въ своихъ церквахъ книгу евангелія въ обыкновенномъ и много въ сафьянномъ переплетѣ, съ серебренными наконечниками, не мало дивилась нашему напрестольному евангелію. Вообще видъ нашей церкви и ея внутреннихъ украшеній произвелъ на французскую императрицу самое благопріятное впечатлѣніе и расположилъ ее къ распросамъ о церковныхъ обрядахъ и о самыхъ вѣрованіяхъ правосл. церкви. «Мнѣ сказывали, замѣтила императрица, что вы имѣете великолѣпное и трогательное богослуженіе (une liturgie magnifique et touchante), мнѣ сказывали также, что торжество освященія вашей церкви, совершенное петербургскимъ епископомъ, было блистательно». О. Васильевъ, въ знакъ согласія, слегка наклонилъ голову. «А кто у васъ поетъ въ церкви»?, продолжала императрица.— Ваши французы, ваше величество, отвѣчалъ о. Іосифъ. «Да вѣдь они не понимаютъ ни вашего языка, на вашихъ обрядовъ».—Да, отвѣчалъ на это Васильевъ, они стольже же мало разумѣютъ по русски, какъ и по латыни; но это не мѣшаетъ имъ пѣть понятно для насъ православныхъ, потому что они выговариваютъ русскія слова чисто и вполнѣ правильно. А обряды нашей церкви такъ впечатлительны, что пѣвчіе, хотя и французы,на столько привыкли къ нимъ, что Литургію поютъ они и благоговѣйно и безошибочно.

Любопытство влекло императрицу все далѣе и далѣе. Отъ

обрядовъ перешла она къ вопросамъ о самыхъ вѣрованіяхъ, отличающихъ «греческую» церковь отъ католической. Греческая православная церковь, говорилъ протоіерей, удовлетворяя любопытству императрицы, не признаетъ папу главою католической церкви и непогрѣшимымъ намѣстникомъ Іисуса Христа. Согласно съ канонами вселенскихъ соборовъ, мы признаемъ за епископомъ римскимъ преимущество чести, но отнюдь не власти. Мы чтимъ въ немъ *перваго между равными*, и преимущества эти, на основаніи всей церковной древности, усвояемъ ему не потому, будто-бы онъ преемствуетъ, на каѳедрѣ своей, князю апостоловъ, но единственно потому, что каѳедра его находилась въ царствующемъ градѣ, древнемъ Римѣ.—Императрица Евгенія не сдѣлала противъ этого объясненія никакого возраженія, быть можетъ, потому, что чувствовала всю его справедливость. Бѣдственное положеніе папства очень хорошо извѣстно французской императрицѣ; но и причины этого положенія, конечно, ей не неизвѣстны. *Всякъ возносяйся смирится*. Папа слишкомъ возвысилъ свою власть; теперь совершается надъ нимъ Божій судъ. Какъ бы то ни было, только императрица Евгенія, оставивъ отвѣтъ о. Васильева о папѣ безъ замѣчаній, спросила его: «а еще чѣмъ разнится греческая церковь отъ католической?»—Ученіемъ объ исхожденіи св. Духа, отвѣчалъ протоіерей Васильевъ, потому что, тогда какъ православная церковь, согласно яснымъ словамъ Спасителя: *иже отъ отца исходитъ* (Іоан. XV, 26), соблюдаетъ никейскій символъ вѣры ненарушимо,—церковь католическая прибавила къ этой вселенской вѣрѣ новое ученіе объ исхожденіи Св. Духа и *отъ Сына*.—Императрица на это замѣтила: «я не богословъ и въ богословскія тонкости входить не считаю себя въ правѣ; по мнѣ, то и другое вѣрованіе одно другому не противорѣчитъ. А еще чѣмъ отличаются церкви восточная и западная?»—Ученіемъ о чистилищѣ, котораго восточная церковь никогда не содержала; она допускаетъ молитвы за усоп-

шихъ въ вѣрѣ и надеждѣ жизни вѣчныя, но ученіе о чистилищѣ, какъ противное вселенскому преданію, отвергаетъ, Выслушавъ это объясненіе, императрица замѣтила: «мнѣ кажется, что, въ основаніи, обѣ церкви согласны, потому что и западная церковь молится за усопшихъ и читаетъ по нимъ миссы». Касательно пріобщенія мірянъ подъ обоими видами императрица сдѣлала слѣдующее замѣчаніе: «да, это древній обычай церкви, и церковь католическая сдѣлала нововведеніе, лишивъ мірянъ чаши Господней». При объясненіи вопроса о безбрачіи священниковъ какъ состояніи, въ западной церкви, обязательномъ даже для мірскаго духовенства, императрица еще разъ согласилась признать этотъ обычай позднѣйшимъ нововведеніемъ католической церкви. «А архіерей, который освящалъ вашу церковь, пріѣзжалъ въ Парижъ съ женою?» спросила императрица о. Васильева, и, узнавъ, что православные архіереи избираются, по древнимъ правиламъ вселенской церкви, изъ особъ, дѣвству себя посвятившихъ, воскликнула: «c'est bien dommage, que vous ayez une femme, un homme si distinguè, comme vous l'êtes, Monsieur, ne pouvant jamais devenir un évéque».—Императрица Евгенія распрашивала о. Васильева о томъ, въ которомъ часу начинается въ его церкви служба и долго-ли она продолжается; непремѣнно-ли всѣ обязаны стоять во все продолженіе службы и проч. Изъ этихъ распросовъ можно заключить, что императрица желала бы посѣтить нашу церковь, во время совершенія въ ней Божественной службы. Но позволитъ-ли ей этотъ шагъ политика, т. е. условія ея высокаго положенія во французско-католическомъ мірѣ?

Императрица пробыла въ нашей церкви около получаса. Выходя вонъ, она обернулась къ алтарю и еще разъ окинула церковь взоромъ своимъ. Затѣмъ, перекрестясь по католическому обычаю, сказала о. Васильеву: «я весьма счастлива, что

видѣла вашу прекрасную церковь. Это доставило также мнѣ случай ознакомиться съ вашей религіею, болѣе близкимъ образомъ; теперь я знаю, чѣмъ отличается церковь восточная отъ западной».

(Изъ жур. „Духъ Христіанина").

ИЗВѢСТІЯ.

Подписаніе уставной грамоты въ м. Мошнахъ.

(Изъ письма къ редактору Епарх. Вѣдомостей).

Исполняя ваше желаніе, спѣшу сообщить вамъ о замѣчательныхъ событіяхъ въ нашей сельской жизни, и особенно имѣющихъ современный интересъ.

11-го и 12-го числа сего февраля ознаменованы у насъ событіями, которыя останутся на долго въ памяти народа. Въ воскресеніе (11-го февр.), Мошенскій Волостный Старшина отъ лица всего Волостнаго Общества просилъ меня послѣ литургіи въ церкви отслужить благодарственный Господу Богу молебенъ, по случаю окончанія и подписанія уставныхъ грамотъ. Съ радостію исполнилъ я это благочестивое желаніе духовныхъ чадъ моихъ. Мнѣ было отрадно, что они въ счастіи прежде всего обратились къ Богу съ благодарностію за ниспосланную имъ великую милость. Послѣ молебна провозглашено многолѣтіе **Государю Императору** и всему царствующему дому, Св. Суноду и высокопреосвященнѣйшему митрополиту нашему Арсенію, свѣтлѣйшей владѣлицѣ имѣнія, княгинѣ Елисаветѣ Ксаверьевнѣ Воронцовой, и всему русскому дворянству, оказавшему благородное содѣйствіе къ освобожденію крестьянъ, и наконецъ мѣстному обществу свободно-обязанныхъ обывателей, въ сер-

дечной благодарности къ Богу празднующихъ свое освобожденіе. Изъ церкви я съ приходскимъ причтомъ и священникъ мошенской же церкви Ал. Высоцкій приглашены къ обѣду, который приготовленъ былъ по этому случаю обществомъ въ Волостномъ Управленіи, и къ которому также приглашены были: уполномоченый отъ княгини Воронцовой по управленію имѣніями г. Вьельгорскій, главноуправляющій имѣніемъ г. Яровой, мировой посредникъ Мацѣвичъ и нѣсколько другихъ лицъ, служащихъ по управленію имѣніемъ. По прибытіи въ домъ упомянутыхъ лицъ, по общему желанію, и здѣсь отслуженъ благодарственный молебенъ, послѣ чего уже гости усѣлись за столъ. Волостной старшина, какъ представитель своего общества, приглашенъ былъ занять мѣсто тутъ же за общимъ столомъ въ качествѣ хозяина, и пользовался полнымъ почетомъ отъ благородныхъ гостей своихъ. Скромна была трапеза, но она была предложена съ искреннимъ радушіемъ, и потому имѣла большую цѣну, нежели роскошный столъ по формѣ. Замѣтно было на лицахъ присутствовавшихъ членовъ сельскаго общества особенное удовольствіе, — что они дождали своимъ хлѣбомъ-солью угощать пановъ, особенно при ласковомъ и дружелюбномъ обращеніи съ ними послѣднихъ. Послѣ обѣда гости ласково поблагодарили общество за сдѣланную имъ честь и за хлѣбъ-соль, а гг. Вьельгорскій и Яровой просили взаимно почетнѣйшихъ изъ общества на слѣдующій день, т. е. 12-го сего февраля, послѣ литургіи и благодарственнаго молебна, къ себѣ на обѣдъ, который отъ имени свѣтлѣйшей владѣльницы приготовленъ былъ въ домѣ занимаемомъ вотчинною конторою. Въ назначеный день литургія совершена соборнѣ мною съ священниками Ал. Высоцкимъ и села Хрещатика Стефаномъ Трушевичемъ, и благодарственный молебенъ при участіи и мѣстнаго благочиннаго, нарочно прибывшаго въ Мошны. Предъ

молебномъ, какъ и въ предыдущій день, сказано было мною прихожанамъ краткое поученіе, въ которомъ особенно было высказано, съ какими чувствами они должни принять это великое для нихъ благодѣяніе Божіе и Царское, и какъ должны вести себя, чтобы быть достойными новаго званія своего. Послѣ молебна всѣ отправились въ назначенный для обѣда конторный домъ. Къ обѣду, кромѣ мѣстнаго общества, приглашено нѣсколько почетныхъ лицъ изъ сосѣднихъ сельскихъ обществъ. Въ 4-хъ обширныхъ комнатахъ приготовлены были столы. По православному обычаю прочитана въ слухъ молитва и поблагословлена трапеза. Обѣдъ готовили на 120 человѣкъ, но обѣдало болѣе 300 человѣкъ. Пріятно было видѣть, какъ дворяне, служащіе по управленію имѣніемъ, братски услуживали тѣмъ, которыми привыкли повелѣвать. Сначала многіе изъ простолюдиновъ съ недовѣріемъ смотрѣли на такое вниманіе пановъ. И это естественно. Чѣмъ больше счастіе, тѣмъ труднѣе въ него вѣрится. Но мало по малу языки развязались, и пошла задушевная бесѣда. Благородные распорядители, упрашивая гостей кушать и пить, сами вмѣстѣ пили за ихъ здоровье, съ пожеланіемъ имъ счастія и благополучія въ новой жизни, а тѣ въ умиленіи благодарили за доброе слово. Индѣ смышленный простолюдинъ, сидя рядомъ съ паномъ, пріятельски разговаривалъ съ нимъ, ободренный благороднымъ вниманіемъ и участіемъ послѣдняго. Особенно пріятное впечатлѣніе произвело на всѣхъ, когда на передній столъ, занимаемый духовенствомъ и висшими лицами изъ благороднаго сословія, равно какъ и на прочіе, поданы были въ простыхъ поливяныхъ мискахъ вареники, пшеничные и гречневые (гречани). Простонародное національное кушанье, въ простой посудѣ явившееся такъ торжественно на столѣ господскомъ въ то время, какъ народъ праздновалъ свое гражданское возрожде-

ніе, возбудило много мыслей, много отрадныхъ думъ. Появились наконецъ заздравные бокалы. Первый тостъ провозглашенъ за здоровье **Государя Императора**, и.... какъ перекаты грома раздалось по всѣмъ комнатамъ отвѣтное «ура.» За тѣмъ послѣдовали тосты за здоровье: высокопреосвященнаго митрополита Арсенія, свѣтлѣйшей кн. Ел. К. Воронцовой, гг. представителей владѣлицы, мироваго посредника, и заключились тостомъ за здоровье всего общества свободно обязанныхъ обывателей, съ пожеланіемъ ему въ новой жизни счастья и благополучія во всемъ.

Случившіеся тутъ нѣсколько конторныхъ писарей, состоящихъ въ пѣвческомъ приходскомъ хорѣ, подъ руководсгвомъ діакона приходской церкви, пропѣли гимнъ: Боже Царя храни.... Затѣмъ, по общему желанію, тѣже пѣвчіе спѣли пѣснь:

Де взгода въ семействѣ,
Де миръ, типшна,—
Счастливы тамъ люди,
Блаженна сторона;
И Богъ благословляе,
Добро имъ посылае,
И съ ними викъ живе.

Многіе при этомъ стали цѣловать другъ друга съ самыми искренними благожеланіями. Нѣкоторые изъ поселянъ обращались къ мировому посреднику и къ представителямъ экономическаго управленія благодарить ихъ за ласку и въ избыткѣ чувствъ хотѣли цѣловать ихъ руки, но получали вмѣсто того братскій поцѣлуй. Все наконецъ слилось въ общій говоръ, въ которомъ слышались взаимныя увѣренія въ искренней расположенности и доброжелательствѣ.

О! еслибы такія чувства сохранились навсегда между этими двумя сословіями, доселѣ такъ далеко стоявшими другъ отъ

друга. Тогда, при благословеніи Божіемъ, дѣйствительно были бы счастливы люди и блаженна сторона!...

Священникъ Левъ Крамаренковъ.

III.

Чувства благодарности къ Царю—освободителю.

а). Въ началѣ сего года, мои прихожане, временно обязанные обыватели с. Выграева, (*) собравшись ко мнѣ, предъявили свое намѣреніе ко дню 19-го февраля заказать на свой счетъ священническую ризу, прося при томъ, чтобы въ этотъ день въ купленной ими ризѣ были отслужены всеношное бдѣніе, литургія и молебенъ о здравіи Государя Императора. На вопросъ мой: ,,что побуждаетъ васъ это дѣлать?''—, всѣ единогласно отвѣчали:'' любовь и благодарность къ Государю за дарованіе намъ свободы; 19-е февраля тотъ день, въ который нашъ Государь и Отецъ подписалъ оную.'' Мы присовокупили они, ,,дѣлаемъ это для того, что-бы въ св. храмѣ, при другихъ нашихъ молитвахъ, риза всегда наводила мысль нашу на молитву за Государя-Отца.'' 25-го февраля, на которое число по случаю поста, съ 19-го перенесено праздденство восшествія на Всероссійскій престолъ Государя Императора, въ новоустроенной ризѣ (**) вознесены мною вмѣстѣ съ моими прихожанами, молитвы о здравіи и долгоденствіи Государя Императора. Во время пѣнія многолѣтія Государю Императору всѣ стоявшіе въ храмѣ положили земной поклонъ.

б). Въ с. Сотникахъ (***) тѣже чувства любви и благодарно-

(*) Каневскаго уѣзда.

(**) Изъ хорошей бѣлой парчи, украшенной бархатными фіолетовыми цвѣтами.

(***) Каневскаго уѣзда,

сти къ Государю - Освободителю сельскіе жители, — получившіе свободу, высказали тѣмъ, что 25-го февраля сегоже года, явившись къ своему священнику о. І. Т., просили, кромѣ положеннаго тогда царскаго молебна, отслужить еще другой собственно по ихъ желанію за здравіе Государя Императора, что священникъ и исполнилъ, радуясь такъ святому и прекрасному ихъ желанію.

Свящ. Ѳеодоръ Левитскій.

Усердіе поселянъ къ распространенію грамотности.

Въ теченіе минувшаго 1861 года, въ пользу сельской школы, открытой при церкви с. Макіевки (васильковс. уѣзда) 1 числа того года, разновременно пожертвовано прихожанами 29 руб. 75 к. сер. Деньги сіи употреблены на сооруженіе дома для училища и покупку необходимѣйшихъ книгъ для учениковъ.

Прихожане такъ довольны распространеніемъ грамотности между ними, что, видя трудныя занятія приходскаго своего священника при постройкѣ новой церкви и не надѣясь на успѣхъ занятій прочихъ членовъ причта по школѣ, договорили учителя, уволеннаго изъ кіевской духовной семинаріи ученика, на полгода, именно съ 1-го января по 1-е іюля. Въ награду ему за это время, по договору, положено 35 руб. сер. съ квартирою и столомъ.

Свящ. В. А.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 27-го февраля 1862 г. Ценсоръ **И. Щеголевъ.**
Въ типографіи **И.** и **А. Давиденко.**